

На правах рукописи

Тауканова Зарема Чамиловна

**Этнический фактор в детерминации гендера
(на феноменах бытия северокавказских этносов)**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Ростов-на-Дону

2018

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Научный руководитель доктор философских наук, профессор
Тхагапсоев Хажисмель Гисович

Официальные оппоненты: **Савченко Людмила Алексеевна**,
доктор философских наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
Институт социологии и регионоведения, кафедра
отраслевой и прикладной социологии, профессор

Силласте Галина Георгиевна,
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор;
Департамент социологии, истории и философии
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации, научный руководитель

Ведущая организация **ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»**

Защита состоится «09» ноября 2018 г. в 15.00 на заседании Диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, Институт социологии и регионоведения ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке им. Ю.А. Жданова при ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344103, г. Ростов-на-Дону, ул. Р. Зорге, 21 Ж) и на сайте Южного федерального университета:
<https://hub.sfedu.ru/diss/>

Автореферат разослан «___» октября 2018 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Войтенко
Валерия Петровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современный, крайне сложный, конфликтно-противоречивый и порождающий множество рисков этап социальной истории характеризуется едва ли не в первую очередь обострением проблематики идентичности во всех сферах и модусах социального бытия – от этнического до геополитического. Естественно, что в этом контексте на дискурсивной арене социально-гуманитарной мысли гендерная проблематика находится в ряду наиболее значимых: на общем фоне процессов глобализации мира, конфликта культур, цивилизаций и ценностных миров человека, задающих контуры актуального тематического горизонта философии. При этом если обозначенная проблематика у нас в стране до недавних пор рассматривалась в ключе «возвращения России в мировое философское пространство», то ныне дискурсивный фокус неуклонно смещается к анализу реальной соотнесенности России и сложных процессов российской социокультурной трансформации с современным миром, его проблемами и вызовами в контексте ныне формирующегося тренда консервативного реализма в постсоветской отечественной философии (заметим – как и в политическом развитии страны).

Однако проблематика гендера, пока еще рассматривается, главным образом, с позиции либералистской философии личных свобод, равенства полов, «гендерного самоопределения», конструирования и легитимации гендера на основе неких универсалистских измерений.

В этой логике основания и истоки едва ли не всех особенностей гендерных феноменов ищутся в универсальных факторах социального бытия – в трудовых, политических, экономических, правовых причинах и механизмах, что сопровождается попытками унифицировать и универсализировать категорию «гендер», сводя ее смысл к сумме неких инвариантных составных частей и аспектов, таких как «гендерный стереотип», «гендерная норма», «гендерный баланс», «гендерная идентичность» и др.

В рамках такого подхода проблема детерминации гендера этническим фактором (этничностью) в реальной исследовательской практике, как правило, трансформируется в проблемы историчности гендерных моделей и

гендерных отношений, а далее – в оценку уровня и степени их «архаичности» или «модерности» в этническом бытии «здесь и сейчас».

Этногендерные исследования, проводимые в рассматриваемом методологическом ключе, имеют еще одну особенность: в них все этнические особенности гендерных моделей и отношений, как правило, объясняются ссылками на «уникальность» каждой этнической культуры или же на «характерные особенности» исторического пути этноса и накопленного им на этом пути социально-культурного опыта и сложившегося гендерного бытия без серьезных попыток выявить те общие социальные механизмы (отношения, институты), которые стоят или могут стоять за этногендерной спецификой в данном (в том или ином) конкретном случае.

А что касается гендерных исследований в национальных регионах, в частности – республиках Северного Кавказа, коих в общем немного, они в основном сводятся к комплиментарной репрезентации давно известных, многократно описанных в этнологических текстах и давно изживших себя патриархатных гендерных отношений (моделей), возводимых к «корням и истокам этноса», более того – к их апологии и романтизации, не затрагивая при этом реальной роли гендерного фактора в системе современного этносоциального бытия, игнорируя влияние современных глубинных социально-культурных трансформаций на гендерные отношения и процессы.

Изложенными обстоятельствами определяется очевидная актуальность темы нашего диссертационного исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема пола и полоролевых отношений в истории мысли изначально и длительное время развивалась в рамках философии и лишь в последующем – в рамках наук о человеке в их трех ключевых направлениях, которые с учетом их интерпретационных принципов могут быть обозначены как «биологическое», «гендерное», «биогендерное». Согласно первому направлению, биологическому, пол следует понимать с биологической точки зрения как нечто предзаданное природой, что нашло выражение в афористичной

формуле З.Фрейда «Анатомия – это судьба»¹. Касаясь второго направления, гендерного, следует отметить прежде всего творчество Симоны де Бовуар, которая последовательно рассматривает пол (проблематику пола) с социокультурной и конструктивистской позиций. В этом плане столь же характерна фраза Симоны де Бовуар «женщиной не рождаются, ей необходимо стать в процессе жизни»², по сути оппонирующая Фрейду и ставшая не только смысловым рефреном социально-конструктивистского дискурса в отношении гендера, но и своеобразным символом вклада де Бовуар в гендерную науку.

В нашем диссертационном исследовании мы намерены придерживаться прежде всего философских принципов познания и рассматривать гендер и его проблематику (гендерные отношения, гендерные процессы) с учетом всего комплекса детерминирующих факторов: биологического, психологического и социально-культурного, а по сути как тип и форму социальных отношений, которая так или иначе детерминируется всей системой социальных отношений и встроена в эту систему.

Исследования, связанные с гендерной проблематикой, на протяжении длительного времени ведутся в целом ряде аспектов: философском (Платон, И. Кант, Жан-Жак Руссо, Ф. Ницше, З. Фрейд, Симона де Бовуар, О.А. Воронина, Л.А. Савченко, Г.Г. Силласте, Х.Г. Тхагапсоев, Б. Бгажноков)³, социологическом (К. Маркс, П. Бурдьё, Б. Тернет, А. Клецин, М.М. Мальшева, С.И. Голод., Т.Б.

¹ Фрейд З. Будущность одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989. С. 94–142.

² Симона де Бовуар. Второй пол. Жанр. Философия. 1997.

³ Фрейд З. Избранное. Ростов-н/Д., 1998; Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989; Симона де Бовуар. Второй пол. Жанр. Философия. 1997; Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1998; Руссо Ж.Ж. Избранные сочинения. М., 1961. Т. 1–3; Воронина О.А. Гендерные измерения политики и культуры в России // Ярославский педагогический вестник, 2016. № 4. С. 172–177; Тхагапсоев Х.Г. Социальное пространство-время: проблема трансформации // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 202–211; Тхагапсоев Х.Г., Черноус В.В. Реинтеграция постсоветской России: преграды и пути преодоления // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4 (76). С. 9–17; Савченко Л.А. Ситуативность гендерных исследований в различных гендерных парадигмах // Исторические, философские, психологические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (33). С. 166–169; Савченко Л.А., Вялых Н.А. Двенадцатые Международные гендерные чтения «Гендерные трансформации в современном мире» // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 2. С. 146–147; Силласте Г.Г. Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 77–84; Силласте Г.Г. Гендерная социология: от идеи и дискуссий к научной школе // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 19. № 3. С. 15–30; Бгажноков Б.Х. Адыгская этика и этикет в образовательной системе // Наука: комплексные проблемы. 2014. № 1 (2). С. 61–76; Рябова Т.Б. Этничность как фактор вариативности гендерных стереотипов // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского: серия «Социальные науки». Вып. 1 (5). Н. Новгород, 2009. № 4. С. 317–323.

Рябова, Л.А. Савченко, Г.Г. Силласте и др.)⁴, психологическом (З. Фрейд, Э. Эриксон, Ю.Е. Алешина, А.С. Волович, П.М. Дизель., Р.У. Мак-Кинли, Э. Фромм, М. Аргайл, Т.А. Репина, И.С. Кон и др.)⁵, педагогическом (В.П. Борисенков, Я.Л. Коломинский, М.Х. Мелтас, Н. Коломейская, Л.В. Штылева)⁶, историческом (Н.Л. Пушкарева, Н. Бердяев и др.)⁷, политологическом (Г.В. Атаманчук, Р.Г. Абдулатипов, О.А. Хасбулатова, Н.А. Шведова, Л.Т. Шинелева и др.)⁸, культурологическом (С.А. Арутюнов, П.А. Сорокин, Л.В. Сажина, С.М. Широкогоров, Ю.В. Бромлей, И.А. Чебоксаров, И.М. Гутько)⁹, экономическом (Е.Б. Амбарнова, Я. Астафьев, Н.А. Шведова, Н.А. Гордон, О.Э. Бессонова, М.А. Шабанова)¹⁰.

В итоге существует множество подходов к исследованию гендера и к интерпретации его сущности: от формулы «гендер как когнитивная метафора» до принципа «гендер как социологическая категория». При этом, судя по фактам, лидерство в исследовании гендера в современной России явно принадлежит социологии. В этом контексте характерна широкая известность работ Л. Беляевой¹¹, З.М. Руткевича¹², О.А. Ворониной, Л.А. Савченко¹³,

⁴ *Мальшичева М.М.* Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. М., 2001. С. 58; *Мальшичева М.М.* Гендерное наполнение политического пространства в России: конец XX–начало XXI века // *Женщина в российском обществе.* М., 2005. № 2. С. 28–36; *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 7; *Голод С.И.* Гендер и семья: социологическая интерпретация // *Человек.* 2004. № 4; *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. *Н.А. Шматко.* М.; СПб., 2005.

⁵ *Фромм Э.* Психоанализ и этика. М., 1993. С. 66; *Аргайл М.* Психология счастья. М., 1990; *Кон И.С.* Психология половых различий // *Вопросы психологии,* 1981. № 2.

⁶ *Коломинский Я.Л., Мелтас М.Х.* Ролевая дифференциация пола у дошкольников // *Вопросы психологии,* 1985. № 3.

⁷ *Пушкарева Н.Л.* Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // *Историческая социология и психология.* 2012. № 3. С. 24–35.

⁸ *Атаманчук Г.В.* Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика. М., 2004. С.12; *Хасбулатова О.А.* Российская государственная политика в отношении женщин (1900–2000) // *Теория и методология гендерных исследований.* М., 2001. 371 с.; *Хасбулатова О.А.* Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново, 1994. С. 18.

⁹ *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989; *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М., 2006; *Бромлей Ю.В.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987; *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М., 2006; *Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.* Народы. Расы. Культуры. М., 1985.

¹⁰ *Гордон Л.А.* Потери и обретения в России девяностых. М., 2001.

¹¹ *Беляева Л.А.* Социальная модернизация в России в конце XX века. М., 1997.

¹² *Руткевич М.Н.* Социальная структура. М., 2004.

¹³ *Савченко Л.А., Вялых Н.А.* Двенадцатые Международные гендерные чтения «Гендерные трансформации в современном мире» // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* 2015. № 2. С. 146–147.

Г.Г. Силласте¹⁴, Гордона и др., в которых анализ гендерной проблематики не ограничивается концептуальными рамками «биологическое – гендерное – биогендерное», а охватывает весь спектр социологических измерений.

Иначе обстоит дело в плане исследования этногендерного бытия и отражения роли этнического фактора (этничности) в детерминации гендера – гендерных норм, отношений, моделей. Подобных исследований в целом немного, и в них, как правило, представлены лишь отдельные аспекты данной проблемы, рассматриваемые с двух принципиально различающихся методологических ракурсов: экстерналистского («извне») и интерналистского («изнутри»). Первый подход (взгляд извне) присущ работам, авторы которых живут и творят в российских мегаполисах, видя этническое, как правило, обобщенно и усматривая в этническом факторе источник вариативности гендерных моделей и отношений (Т.Б. Рябова¹⁵, Е.Ю. Леонтьева¹⁶, А.В. Олянич¹⁷). Или же в соотнесении гендера и этничности обнаруживают повод к возникновению конфликтных стратегий идентификаций и самоидентификации субъекта (А.В. Малыгиной¹⁸). (Впрочем, позиция процитированного выше А.В. Олянича примечательна еще и тем, что отмечает практически полное отсутствие этногендерных исследований, касающихся современных, постсоветских реальностей и выполненных в современных методологических парадигмах.

Что касается второго подхода («взгляда изнутри») – он присущ ученым в этнических регионах и, как правило, сводит проблематику роли и места этничности в гендере либо к апологии традиционных патриархатных гендерных отношений (А.Р. Тыкова)¹⁹, либо к культурно-символическому аспекту гендера

¹⁴ Силласте Г.Г. Гендерная социология: от идеи и дискуссий к научной школе // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 19. № 3. С. 15–30.

¹⁵ Рябова Т.Б. Этничность как фактор вариативности гендерных стереотипов // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского: серия «Социальные науки». Вып. 1 (5). Н. Новгород, 2009. № 4. С. 317–323.

¹⁶ Леонтьева Е.Ю., Виноградова Л.В. Влияние этнокультурного многообразия на развитие гендерных репрезентаций // Вестник ВолГУ. Сер. 7: «Философия». Социология и социальные технологии. 2014. № 3. С. 27–36.

¹⁷ Олянич А.В. Формирование феномена этногендера с позиции теории этничности // Дискурс-Пи. 2016. Т. 13. № 3–4. С. 61–76.

¹⁸ Малыгина А.В. Гендер и этничность: конфликт идентификационных стратегий // Культура и образование. 2016. № 4.

¹⁹ Тыкова А.Р. Социальный статус адыгской женщины: социокультурный аспект. Автореф. дисс. на канд. социол. наук. Майкоп, 2001. 22 с.

(М.А. Текуева²⁰, З.Х. Гулиева²¹), наделяя при этом символические аспекты гендера в этническом бытии функциями, присущими скорее высшим стратам (аристократии) развитых иерархических обществ, а именно, функциями этикета (Б.Х. Бгажнокова²²), либо же сводит всю проблематику гендера и стратегию ее исследования к истории этнической культуры, к этноисторической документалистике в стиле «женские истории» (М.Х. Гугова²³).

На этом фоне выделяется попытка З.Ф. Тугуз системно очертить особенности гендерных отношений у адыгского этноса, хотя и она ограничилась в основном анализом особенностей семейных отношений и гендерного разделения домашнего труда у адыгов^{24, 25}.

Предпринимаются также и редкие попытки в плане проявления и осмысления процессов и результатов постсоветского развития положения женщины в кавказских этнических культурах в общем контексте российской социокультурной трансформации²⁶.

Учитывая изложенное и оценивая в общем степень изученности рассматриваемой проблемы, мы в качестве отправной позиции исследования придерживаемся идей и оценок Г.Г. Силласте и Л.А. Савченко по поводу несостоятельности пока доминирующих в гендерных исследованиях попыток унифицировать и универсализировать дефиницию «гендер», сводя смысл и суть гендера к сумме неких инвариантных составных частей и аспектов, якобы детерминируемых универсалистскими факторами социального бытия (политикой, экономикой, правом), полагая, что в реальной действительности на гендер оказывает детерминирующее влияние весь спектр форм социальности, социальных механизмов и отношений, в числе которых и этнический фактор,

²⁰ Текуева М.А. Гендерные архетипы народов Северного Кавказа (по нартскому эпосу) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 6 (68). С. 154–158.

²¹ Гулиева З.Х. Поэзия Танзили Зумакуловой: этногендерный аспект. Нальчик, 2015. С. 182.

²² Бгажноков Б.Х. Адыгская этика и этикет в образовательной системе // Наука: комплексные проблемы. 2014. № 1 (2). С. 61–76.

²³ Гугова М.Х. Женщины Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны. Нальчик, 2015. С. 94.

²⁴ Тугуз З.Ф. Этногендерные особенности семейно-брачных отношений в республике Адыгея // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: «Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2011. № 3. С. 195–202.

²⁵ Тугуз З.Ф. Этнокультурные особенности гендерных отношений в Республике Адыгея: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2012. 25 с.

²⁶ Мутаев У.К. Социальное пространство современной дагестанской женщины // Женщина в российском обществе. 2013. № 1. С. 31–34.

изученный пока явно недостаточно.

Именно из этих соображений мы исходим, предпринимая исследовательскую попытку представить гендер как сложный и многогранный фактор социального бытия, как тип и форму социальных отношений и проецируя указанные представления на мир северокавказских этносов, известных яркой специфичностью социально-культурного бытия.

Целью исследования в означенном контексте является изучение особенностей и специфических механизмов детерминации гендера этническим фактором в социально-культурном пространстве северокавказских этносов.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

- проанализировать особенности и основные этапы генезиса социально-философской мысли в отношении гендера и факторов его детерминации, а также дискурсивных форм их отражения;

- проанализировать результаты отечественных и зарубежных исследований универсальных факторов детерминаций гендера и форм их отражения в плане релевантности смысловым горизонтам категории «гендер»;

- изучить специфические факторы детерминации гендера, способные обеспечить вариативность гендерных моделей;

- проанализировать принципы и подходы к осмыслению этничности, ее роли и места в социальных реалиях современности, включая гендерное бытие;

- изучить особенности проявления и интерпретации гендерного фактора в постсоветском этническом бытии;

- выявить специфические формы и механизмы детерминации гендера и гендерных процессов этническим фактором в социальном пространстве северокавказских этносов.

В качестве **объекта исследования** выступает гендер как форма социального бытия.

Предметом исследования является детерминация гендера этническим фактором, ее особенности, формы и механизмы (на примерах социально-культурного бытия северокавказских этносов).

Гипотеза нашего диссертационного исследования заключается в том, что детерминация гендера этническим фактором осуществляется на основе не только

универсалистских факторов (труд – трудовые отношения, политика, право и т.д.), но и специфичных механизмов (межпоколенческих отношений, института старшего, внутрисоциумных отношений «конкуренция–солидарность» и многообразных форм символизации гендера), противоречиво и разновекторно воздействующих на этногендерное бытие в зависимости от общих контекстных (исторических) обстоятельств и вызовов, с которыми сталкивается этнический социум «здесь и сейчас», обрекая гендерное бытие на нестабильность.

Соответственно этногендерные модели и отношения не могут быть «табуированными» (обычаями, традициями), «сакральными» и неизменными «культурупорождающими началами навсегда», как обычно принято полагать в этнологических дискурсах. Они способны к качественным изменениям при определенных, критичных для данного этноса условиях, т.е. «в ситуациях вызова». При этом решающую роль могут играть именно специфические формы и механизмы существования (явленности) в социальном пространстве этноса таких универсальных социальных институций, как семья, брак, межпоколенческие отношения, отношения типа «конкуренция – солидарность», что пока остается за пределами внимания этнологии, социологии, гендорологической науки и социально-философской рефлексии, требуя системного изучения.

На основе данной гипотезы нами исследуются и интерпретируются феномены гендерных отношений и процессов в социальном пространстве северокавказских этносов (кабардинцев, адыгейцев, балкарцев, осетин, ингушей, чеченцев, дагестанцев) в исторической ретроспекции и в контексте современных постсоветских социально-культурных трансформаций в России, Северо-Кавказском регионе.

Теоретико-методологические основания исследования. Для достижения поставленной цели диссертационного исследования и решения означенных задач нами выстроена полипарадигмальная методология, основанная, прежде всего, на философских принципах и методах познания социальной действительности: историко-генетическом (этногендерные модели и отношения рассматриваются в досоветских и постсоветских культурно-исторических контекстах), диалектическом (вскрывается противоречивость механизмов социального бытия рассматриваемых этносов, в том числе и

механизмов, детерминирующих этногендерные модели и отношения), в герменевтическом (интерпретируются символические аспекты и измерения гендера, их роль и значимость в культуре кавказских этносов, в ее регулятивных принципах и нормах).

В рамках выстроенной таким образом методологической стратегии задействован также широкий спектр методов исторического, сравнительного, функционального, системного анализа, культурологический подход, а также общенаучные принципы познания: объективности, системности, обобщения, восхождения от абстрактного к конкретному; междисциплинарный подход к изучению социальных и социально-культурных процессов на основе таких категориальных концепций, как «общество», «социальные отношения», «гендер», «этнос», «этническая культура», «конкуренция – солидарность в социальных отношениях», «межпоколенческие отношения», «институт старшего», «социально-культурная трансформация», «инверсия», их эвристического и методологического потенциала.

Нами задействованы также метод включенного наблюдения и идеи этнометодологии. В частности мы исходим из того, что этнический фактор – это не фатальный маркер идентичности гендера и гендерных отношений, т.е. не маркер их сакральности, табуированности и неизменности в бытии того или иного «малого социума»; напротив – этнический фактор (этничность) является источником вариативности, форм и механизмов трансформации гендера и гендерных отношений, которые могут иметь общую значимость, универсальный характер.

И, наконец, в теоретических и методологических позициях нашего исследования ключевое положение занимают идеи и взгляды Г.Г. Силласте и Л.А. Савченко по поводу спектра факторов его детерминации.

Опираясь на эту комплексную методологию, в рамках данного диссертационного исследования мы пытаемся формировать собственный взгляд на гендер как на важнейший фактор этносоциального бытия, его структуры и процессностей, что особенно ярко проявляется и эмпирически фиксируется в культурном пространстве северокавказских этносов.

Научная новизна работы определяется ее целью, задачами, подходами к

их решению, характером полученных результатов и заключается в следующем:

— показано, что, хотя проблематика полов (Он–Она) и их соотношенность с бытием социума находится в центре внимания европейской философской мысли на всем протяжении ее истории, «гендер» пока так и не конституирован в роли и статусе категории социальной философии в предельно обобщающей форме «гендерное бытие»;

— установлено, что доминирующие ныне в дискурсивной практике интерпретации и трактовки (при всей их многогранности) не соответствуют фактически сложившимся коннотационно-смысловым горизонтам дефиниции «гендер», а также реальной роли гендера в социальном бытии – в общей сети спектра социальных отношений;

— продемонстрировано, что доминирующий на научно-дискурсивной арене универалистский подход в гендерологии, при котором суть и смысл гендера сводится к сумме инвариантного набора таких элементов, как «гендерная идентичность», «гендерный стереотип», «гендерная норма», «гендерный баланс», детерминированных универсальными факторами социального бытия, требует дополнения, а именно – учета специфических факторов бытия конкретных социумов (этнических в особенности);

— показано, что ныне доминирующие в этнологической науке концепции и методологические принципы, в частности – примордиализм и «методологический этноцентризм», возводят все этническое к «крови и почве», не приемля конструируемости этноса и его гендерного бытия и, таким образом, не обеспечивая объективного учета роли и значимости гендера в этническом бытии и его социальной динамике;

— установлено, что, в целом противоречивый характер постсоветских социокультурных трансформаций в России, в регионах обретает особое своеобразие, подпитывая тенденции к неоархаизации этносоциального бытия и к реисламизации этнической культуры, сдерживая развитие гендерного равенства и препятствуя объективному отражению и беспристрастной интерпретации современных гендерных процессов в пространстве этнического социума;

— показано, что сложные и противоречивые процессы постсоветской

трансформации стали своеобразным вызовом для северокавказских этносов и их гендерного бытия, вызвавшим к жизни «не характерные для Кавказа» и кавказских этносов в стереотипном восприятии феномены («ответ на вызов»), как «массовые сдвиги» в гендерном бытии – к гендерному равенству и к «гендерной инверсии», ведущие к радикальным изменениям в культуре и социальном бытии этносов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Хотя идея гендера в социально-философской мысли прошла длительный путь генезиса (от платоновской андрогинной концепции до современных идей постгендеризма) и дефиниция «гендер» на этом пути обрела операциональность практически во всех социально-гуманитарных науках (антропологии, историографии, социологии, психологии, политологии, культурологии, педагогике, лингвистике), явно указывая на философский уровень общности смыслов данной дефиниции, «гендер» пока так и не конституирован в роли и статусе категории социальной философии, т.е. в философско-категориальную форму (предикацию) «гендерное бытие», синтезирующую и обобщающую смыслы ключевых дефиниций гендерологического дискурса: «гендерные модели», «гендерные стереотипы», «гендерные отношения», «гендерные процессы», «гендерное сознание», «маскулинность», «феминность», «гендерная идентичность», «гендерная норма», «гендерный баланс», «гендерная политика», «феминизм», «сексизм» и др.

2. Доминирующие ныне на дискурсивной арене интерпретации не релевантны сложившимся коннотационно-смысловым горизонтам дефиниции «гендер» и реальной роли гендера в социальном бытии и в социальных процессах, поскольку не учитывают то обстоятельство, что гендер, будучи соотносим практически со всеми факторами детерминации социального бытия (труд, экономика, политика, право, культура, наука, образование, традиции, обычаи и др.), являет собой форму (одну из форм) социальных отношений, в то время как бытующие (и закрепленные в философско-энциклопедических изданиях) определения категории «общественные отношения» не включают в себя гендер как тип, форму и аспект этих отношений, не относят гендерное бытие к ряду таких форм социального бытия, как «культурное бытие»,

«политическое бытие» и др.

Способом (одним из способов) преодоления данного «методологического провала» в стратегиях социального познания может стать системное исследование роли и места этничности в гендерной проблематике, поскольку роль гендера в социальных отношениях особенно ярко проявляется в пространстве этнического бытия, в частности северокавказских этносов.

3. Доминирующий ныне универсалистский подход в гендерологии, при котором суть и смысл гендера сводится к сумме инвариантного набора таких элементов, как «гендерная идентичность», «гендерный стереотип», «гендерная норма», «гендерный баланс», детерминированных якобы универсальными факторами социального бытия (экономика – экономические отношения, право – правовые отношения, политика – политические отношения и т.д.) не только не соответствует реальной действительности, но принципиально чреват риском трансформации гендерологического исследования в политический или идеологический ангажированный дискурс («о положении женщин» в политике, управлении, экономике, в науке, образовании, в субъективную феминизма или патриархатных отношений), настоятельно требуя учета специфических факторов бытия конкретных социумов, в числе которых: характер экзистенциальных вызовов, перед которыми социум стоит в данный момент времени; особенности и масштабы символического ресурса гендера в культуре того или иного социума (этноса); сексуальная культура, бытующая в том или ином социуме; особенности отношений «конкуренция – солидарность» в пространстве данного социума; наличие специфических социальных институций, в частности «институт старшего» (старшего мужчины, старшей женщины), что в наиболее концентрированной и яркой форме проявляется в этничности, этническом социальном бытии.

4. Ныне доминирующие в региональной этнологической науке базовые концепции и методологические принципы, в частности примордиалистский подход в теориях этногенеза, а также понимание сущности этноса и этничности как результат (продукт) совокупности таких факторов, как этноним, язык, природно-географический ареал (пространство), хозяйственно-экономический уклад, антропо-психологические признаки, традиции, фольклор и искусство,

возводят все этническое к «крови и почве», не приемлют конструируемости этноса (этничности) и его гендерного бытия и, таким образом, либо не учитывают роли и значимости гендера в этническом бытии и его динамике, либо сводят всю проблематику гендера к его символическому ресурсу, а также к апологии, романтизации и сакрализации патриархатных форм гендерных отношений, не оставляя места для рационально-критической этногендерной аналитики, научно содержательного этногендерного дискурса в общем контексте социокультурогенеза, а главное – для становления и развития этногендерной науки (научного направления).

В этом общем контексте эпизодические обращения этнологии к гендерной проблематике, как правило, не идут далее общих суждений о «маскулинности» и «феминности» в этносоциальном пространстве, непропорционального внимания к символическому ресурсу гендера в этнической культуре, а также негативистского позиционирования в отношении феминизма и «ЛГБД аспектов» в гендерной проблематике.

Таким образом, ныне преобладающий методологический уровень, а также общая культура этнологии и прочих социально-гуманитарных наук в пространстве северокавказских (и не только) этносов не благоприятствует становлению и развитию этногендерологии.

5. Противоречивый характер постсоветских политических реформ и социокультурных трансформаций в стране в целом, следовавших изначально принципам радикального либерализма с последующим дрейфом к принципам, нормам и формам консерватизма и традиционализма, в этнических регионах обретает особое своеобразие: подпитывает возникшее еще в 90-х годах политическое и культурное движение «этнического возрождения», вылившееся в реальности в тенденции к неоархаизации этносоциального бытия, к реисламизации этнической культуры и к ангажированности этнологического дискурса указанной доктриной, что не только сдерживает модернизацию этнического бытия в общем контексте современной российской модернизации и развитие гендерного равенства, но превращает саму этнологию в «теоретическую основу» этнического консерватизма, так или иначе препятствующую объективному отражению и беспристрастной интерпретации

современных (в парадигме постмодернити) культурных и гендерных процессов в пространстве этнического социума.

Характерно, что и сегодня в тематическом спектре этнологического дискурса в республиках доминирует ислам, роль ислама в культуре, традиции, их роль в этническом бытии, а также символический ресурс гендера в бытии этноса в ущерб актуальной тематике постсоветской трансформации этнического бытия в Новой России и в глобальном мире «постмодернити». Эта ситуация находит отражение и в методологическом арсенале этнологии – здесь едва ли не на первом плане находятся расплывчатые и многозначные дефиниции «архетип» и «габитус» при явном небрежении методологическими идеями и принципами современной науки и ее категориальным арсеналом, в том числе и категорией «гендер», ее познавательным и методологическим арсеналом.

6. Современная гендерология, ее концептуальный, методологический и объяснительный арсенал излишне замкнуты на категории «гендерная идентичность», «гендерный стереотип», «гендерная норма», «гендерный баланс», которые не только отражают грани гендерного бытия, но и ограничивают их. Существуют и другие категориальные меры роли и места гендера в социальном бытии, за которыми стоят факторы и механизмы детерминации гендера в этническом социуме. Речь идет о таких факторах, как межпоколенческие отношения, отношения конкуренции – солидарности в социуме, характер родства и тип семьи, «институт старшего», что проявляется не только в формах структурирования социального пространства и в этнических сообществах (секторальность структурной организации социума, существование неформальных институций), но и в возникновении в ситуациях острого вызова не характерных (как доселе полагалось в этнологии и социологии) для данного этноса феноменов. В частности, ситуативно-лабильный гендерный баланс (переход мужских социальных ролей к женщинам, и наоборот) и «гендерная инверсия» (переход женщины на роль кормильца семьи), что в критичных социально-экономических условиях 90-х годов выразилось в том, что лидером и успешной фигурой челночного бизнеса в пространстве рассматриваемых этносов стала женщина, «понижив» статус мужчины и скорректировав его социальное амплуа до функций присмотра за

детьми и домашнего хозяйства.

Эти процессы в последующем получили продолжение в массовых эмансипационных явлениях в республиках Южной России, включая приход женщин в силовые структуры власти, в возникновении этнохудожественной литературы постмодернизма.

Если учитывать, что добиться подобного «гендерного сдвига» не удалось советской политико-идеологической системе (которая стремилась к этому), очевидно, что всесторонний учет гендерного фактора в социальном бытии и социальной динамике этноса становится настоящей потребностью и условием успешного социально-культурного развития современной России и актуальной задачей философии, социологии и этнологических наук в России.

Теоретическая значимость работы определяется постановкой и исследованием ряда неизученных аспектов гендерной проблематики, в частности:

- этнокультурной обусловленности специфики гендерных отношений и форм их проявления;
- лабильного характера гендерных отношений (моделей) в этносоциальном пространстве и их детерминации такими специфическими факторами, как межпоколенческие отношения, тип семьи, форма родства, отношения «конкуренция – солидарность» в этносоциуме;
- феномена «гендерной инверсии» в этническом социуме, что в общем и целом создает предпосылки к формированию принципиально новых методологических подходов к исследованию гендерных и этногендерных отношений, к становлению этногендерной науки, расширяя горизонты научно-гуманитарного и социально-философского познания.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты могут быть использованы в экспертной деятельности по проблемам национальной и культурной политики, межнационального и межкультурного диалога, защиты прав семьи и женщин, а также при разработке специальных курсов и дисциплин в высших учебных заведениях – «Социальная философия», «Этнология», «Социология культуры» и др.

Апробация результатов исследования. Положения диссертационного

исследования были рассмотрены на заседании кафедры философии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.

Автор данного исследования являлся неоднократным участником международных, всероссийских, региональных и республиканских конференций, где были представлены основные результаты данной работы: «Проблемы гендера в истории философской мысли: особенности генезиса» (2013 г.); и всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива» («Гендерный фактор в социальных отношениях и социальной стратификации», 2014 г.; «Гендерные мифы в культуре этноса», 2015 г.). Некоторые положения диссертационной работы были представлены автором на теоретических и методологических семинарах кафедры философии института истории, филологии и средств массовой информации ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

По теме диссертации опубликовано 7 работах общим объемом около 3,2 п.л., в том числе в 5 статьях в изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из двух глав, шести параграфов, введения, заключения, а также списка использованных источников и литературы, включающего 205 источников. Общий объем диссертации – 176 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение посвящено обоснованию актуальности темы диссертационного исследования, выявлению степени ее научной разработанности; формулированию целей, задач, объекта, предмета, методологических подходов и рабочей гипотезы исследования; выстраиванию выносимых на защиту тезисов, раскрытию новизны и значимости полученных в ходе исследования результатов.

В первой главе «Детерминация гендера: философско-методологические измерения», состоящей из трех параграфов, анализируются: генезис представлений о гендере и факторах его детерминации, где ключевое место отводится этничности; обобщенные измерения гендера, определяемого как форма социальных отношений; при этом дефиниция «гендер» рассматривается как философская категория – форма предикации гендерного бытия.

В параграфе 1.1. «Идея гендера и его детерминации в социально-философской мысли» анализируется развитие философских представлений о сущностных различиях между мужчиной и женщиной, о роли и месте мужчины и женщины в социальном бытии и факторах детерминации отношений «Он-Она» на всем протяжении истории философии – от андрогинной концепции Платона до современных идей «киберфеминизма», гендерной лингвистики, постгендеризма.

Отмечается, что в философии предикация смыслов и форм отношений полов берет начало в античной философии, проходит практически через всю историю философии, обретая новые смысловые содержания, новые грани и ракурсы интерпретации на каждом поворотном этапе развития философской мысли, в конечном итоге получая закрепление в дефиниции «гендер».

Подчеркивается, что дефиниция «гендер» в современном дискурсе соотносится практически со всеми предметными сферами познания социального бытия – социологией, психологией, этнологией, антропологией, политологией, антропологией, экономикой, культурологией, историографией, лингвистикой, педагогикой, что указывает на философско-категориальный статус этой дефиниции. Обосновывается целесообразность и необходимость введения в дискурсивный оборот гендерологии предикации «гендерное бытие», обобщающей и синтезирующей смыслы ключевых дефиниций гендерологии:

«гендер», «гендерные модели», «гендерные стереотипы», «гендерные отношения», «гендерные процессы», «гендерное сознание», «маскулинность», «феминность», «гендерная идентичность», «гендерная норма», «гендерный баланс», «гендерная политика», «феминизм», «сексизм» и др.

В параграфе 1.2. «Универсальные факторы детерминации гендера» гендер рассматривается как форма (одна из форм) социальных отношений, испытывающая влияние всей сети прочих социальных отношений и факторов их детерминации. При этом подчеркивается, что спектр факторов детерминации гендерных отношений одновременно выступает и как форма индикации смысловых границ дефиниции «гендер», т.е. как фактор дифференциации гендерных моделей и отношений. Отмечается, что в условиях современного глобального, крайне сложного и противоречивого мира любой аспект и любая форма социального бытия испытывает разновекторные влияния различных факторов детерминации, ведущих как к унификации и универсализации социально-культурного бытия, так и к росту многообразия культур, социальных идентичностей, гендерных моделей. В этом контексте факторы детерминации гендера подразделяются на «универсальные» и «специальные» (специфические, специфицирующие). При этом подчеркивается, что основное внимание в гендерной аналитике пока уделяется таким факторам детерминации, как экономико-трудовые, политико-правовые, семейно-демографические и стратификационные отношения, что формирует «универсалистский» подход в гендерологии, не релевантный реальному коннотативно-смысловому содержанию (объему) дефиниции «гендер». Утверждается, что, будучи соотносим не только с «универсальными» факторами, но и всем спектром факторов детерминации социального бытия (труд, экономика, политика, право, культура и ее символический мир, образование, традиции, обычаи, социальная психология, вызовы «времени и места»), гендер являет собой форму (одну из форм) социальных отношений, в то время как бытующие (и закреплённые в академических философско-энциклопедических изданиях) определения категории «общественные отношения» пока не учитывают и не отражают этого обстоятельства. Подчеркивается, что способом преодоления указанного «методологического провала» в социальном познании (т.е. неучета и

игнорирования принадлежности гендера к спектру форм и типов социальных отношений) может стать системное исследование роли и места этничности в гендерной проблематике.

Третий параграф «Специфические факторы детерминации гендера и этничность как форма их выражения» посвящен принципиальному для данного диссертационного исследования положению (идее), что именно *этничность (этнос)* в максимальной мере заключает и воплощает в себе целостное и противоречивое единство универсальных и специфических факторов детерминации гендера.

В частности, на базе фактов показано, что бытие этносов (этносов Южной России, Северного Кавказа в данном случае) протекает одновременно в двух социальных пространствах, полных противоречий:

- в общероссийском (макропространстве) с его в общем демократической политической и идеологической культурой, институтами формального права и власти, универсальными механизмами консолидации и отчуждения, а значит – с универсальными факторами детерминации гендерных отношений, с одной стороны;
- в микро-социальном (семейно-клановом) пространстве горизонтально – секторальных этнических отношений, где действуют традиции, обычаи и развитая сеть неформальных отношений между членами микросоциума, в том числе и в плане детерминации гендерных отношений – с другой.

При этом детерминация гендера и гендерных отношений, как показано в исследовании, не ограничивается нормативно-регулятивными механизмами традиций, обычаев и ритуалов, а распространяется на символические ресурсы культуры, открывая новые горизонты гендерных исследований (в лингвистике, коммуникативистике). И главное: наряду с универсальными факторами социального бытия (труд – трудовые отношения, экономика – экономические отношения, право – правовые отношения, политика – политические отношения, религия – религиозные отношения), порождающими и воспроизводящими гендерные модели подчиненного положения женщины, в социуме существуют и факторы социального бытия, которые способны дифференцировать модели гендерных отношений, обеспечивая, таким образом, равенство мужчин и женщин,

а в ряде случаев – даже преимущественное право женщины на безопасность и «экзистенциальный выбор». В этом контексте обосновывается необходимость учета наряду с универсальными факторами детерминации гендера и специфических, в числе которых: экзистенциальные вызовы, перед которыми стоит тот или иной социум в данный момент времени; особенности и действенность символического ресурса гендера в культуре того или иного конкретного социума (этноса – в частности); сексуальная культура, особенности отношений «конкуренция-солидарность» в пространстве данного социума, что целостно проявляется именно в этничности (этническом факторе).

Во второй главе диссертационного исследования «Особенности детерминации гендера этническим фактором (на примерах бытия северокавказских этносов)» анализируются сущность этничности и методологические проблемы ее интерпретации, а также специфические особенности и механизмы влияния этничности (этнического фактора) на гендерное бытие.

Параграф 2.1. «Этничность как форма социального бытия и детерминатор гендера» посвящен анализу существующих концепций этничности, а также отношений гендерологии и этнологии. При этом подчеркивается, что в ныне доминирующих в региональной этнологической науке примордиалистских теориях этноса проблема гендера не находит должного места в этнологическом дискурсе, поскольку по логике примордиализма в структуре этноса и этнического бытия все навечно «предопределено» («все в этносе – от крови и почвы», «неизменно и сакрально»). В этом контексте все, что касается отношения полов в этническом бытии, трактуется в символическом ореоле как нечто экзистенциальное, инвариантное и неизменное. В подобной логике сущность этноса (этничность) видится и понимается как совокупность неких составных элементов – этноним, язык, природно-географический ареал, хозяйственно-экономический уклад, социально-психологические признаки, традиции, фольклор и искусство, что сводит проблематику гендера к апологии патриархатных форм гендерных отношений и к их романтизации, таким образом, не оставляя места для рационально-критической этногендерной аналитики и конструирования

гендерных моделей и отношений, значит, и для становления и развития этногендерологии.

Показано, что эпизодические обращения этнологической науки к гендерной проблематике, как правило, не выходят за рамки рассуждений о стереотипах «маскулинности» и «феминности» в этносоциальном пространстве или же непропорционального внимания к символическому ресурсу гендера. В этом контексте утверждается, что ныне преобладающая методологическая культура этнологии препятствует становлению и развитию конструктивно-критической этногендерологии, развитию культуры гендерного равенства.

В параграфе 2.2. «Этнический фактор в постсоветском гендерном бытии – особенности проявления и интерпретации» посвящен анализу особенностей детерминации гендера этническим фактором и проблемам их дискурсивной репрезентации в регионах, в пространстве бытия этноса (чему в российской гендерологии почти не уделяется внимания). Дело в том, что продвижение и поддержка тех или иных гендерных моделей, стереотипов и отношений в том или ином социуме возможно лишь при наличии определенной культурно-идеологической и социально-психологической поддержки, обеспечивающей легитимацию и хэбитуализацию данных моделей и стереотипов. При этом если в архаических обществах в таковой роли выступают инертные по своей сущности традиции и обычаи, то в современных обществах в качестве основы легитимации гендерных моделей выступают, прежде всего, политические идеологии, социально-политическая практика, а также культурные и философские течения, например, феминизм. В этом контексте демонтаж советской системы задает в современной России и ее регионах некий культурно-исторический рубеж типа «до и после» в плане отражения и осмысления проблематики гендера в общем контексте постсоветских социально-культурных трансформаций. Главное здесь заключается в том, что ракурс рассмотрения влияния этнического фактора на гендерное бытие сдвигается с онтологической плоскости (с поиска и выявления форм и механизмов влияния этничности) на гносеологическую плоскость, т.е. на проблемы объективности отражения и интерпретации реально происходящих постсоветских гендерных процессов. Дело в том, что противоречивый характер постсоветских политических реформ

и социокультурных трансформаций в стране в целом, следовавших изначально принципам радикального либерализма с последующим дрейфом к принципам, нормам и формам консерватизма и традиционализма, в этнических регионах обретает особое своеобразие: подпитывает возникшее еще в 90-х годах политическое и культурное движение «этнического возрождения», вылившееся в реальности в тенденции к неоархаизации этносоциального бытия, реисламизации этнической культуры и к ангажированности этнологического дискурса. Это, в свою очередь, не только сдерживает развитие и утверждение гендерного равенства в бытии этносов, но и препятствует объективному отражению и беспристрастной интерпретации современных гендерных процессов в этнических регионах. Характерно, что и сегодня в тематическом спектре этнологического дискурса в анализируемых республиках (в значительной части из них) доминирует ислам, роль ислама, традиции и их роль в бытии этноса в ущерб актуальной тематике постсоветской трансформации этнического бытия, а также бытия этноса в Новой России и в глобальном мире «постмодернити». А ангажированная «зацикленность» на идею «этнического возрождения» находит отражение и в методологических предпочтениях этнологии: здесь едва ли не на первом плане находятся весьма расплывчатые (если не иррациональные) и крайне многозначные дефиниции «архетип» или «габитус» при явном небрежении идеями, принципами и объяснительными механизмами современной науки, в числе которых и гендерология.

Параграф 2.3. «Гендерная инверсия как форма ответа этнического социума на критический вызов (на примере северокавказских этносов)» имеет ключевое значение для нашего диссертационного исследования, поскольку в ее рамках на фактологической основе рассматриваются особенности социального бытия южнороссийских этносов, детерминирующие гендер и гендерные отношения. В этом контексте демонстрируется способность гендерных моделей и отношений этносов к радикальным изменениям, вплоть до «гендерной инверсии» (в смысле массового перехода традиционно мужских социальных ролей к женщинам, и наоборот) вопреки распространенным стереотипическим представлениям о «средневековой застылости» северокавказских культур. В частности, речь идет о следующих особенностях

бытия северокавказских этносов, детерминирующих, в свою очередь, и их гендерное бытие:

- секторальная структура этнического сообщества;
- «векторная направленность брака»;
- гендерная зависимость отношений типа «конкуренция – солидарность» в этносоциальном пространстве;
- значимый и весьма действенный характер «института старшего» в социальном бытии означенных этносов и в механизмах его регуляции;
- наличие таких особых социальных диспозиций, как «старший мужчина» (семьи, рода, тепа) и «старшая женщина», обеспечивающих женщине значительную свободу выбора и действий в рамках микросоциума;
- и, наконец, необычайно суровый запрет сексуально-брачных отношений по линии кровнородственных связей, что называется «вплоть до седьмого колена», что изначально ориентирует сознание подрастающих поколений на «эмпативное» отношение к «чужому роду», к «чужим родам».

В рамках данного параграфа анализ с учетом указанных особенностей этносоциального бытия приводит к заключению, что в гендерных отношениях и процессах в этническом пространстве ключевую роль играют не только универсальные факторы (политические, экономические, правовые и пр.), но и специфические особенности этнического бытия. В частности, отношения конкуренции и солидарности в этносоциуме, межпоколенческие отношения, тип семьи и форма брака, символический ресурс гендера.

Предпринята также попытка объяснить, почему радикальные изменения в гендерном бытии северокавказских этносов («гендерная инверсия»), случившиеся в постсоветской России, оказались невозможными в советских условиях социального конструктивизма. В этом контексте делается вывод о том, что гендерные отношения и их изменения являют собой объективный индикатор глубины социально-культурных трансформаций обществе. Так, советская система, которая не оставляла человека «наедине» с экзистенциальными вызовами, обеспечивая всем и каждому некий стандарт социальной защищенности, не вызвала столь радикальных изменений гендерных моделей этносов, как это случилось в условиях «шоковой терапии» радикальных реформ

90-х годов. В свете этих обстоятельств утверждается, что становление этногендерологии становится настоятельной потребностью не только социальной практики, но и методологии социально-гуманитарного, в частности этнологического познания в современной России.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, демонстрируется подтверждение исходной рабочей гипотезы, намечаются возможные направления дальнейших исследований по данной тематике.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях:

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, входящих в Перечень ВАК науки и образования РФ:

1. *Тауканова З.Ч.* Проблемы гендера в истории философской мысли // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2013. № 2. С. 146–151. (0,5 п.л.)
2. *Тауканова З.Ч.* Особенности философии гендерологии и гендерная культура // Научная мысль Кавказа; Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФЦ. Ростов-н/Дону, 2016. Выпуск № 4. С. 52–56. (0,4 п.л.)
3. *Тауканова З.Ч.* Гендерный фактор в педагогике: коммуникативный ракурс // Научная мысль Кавказа; Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФЦ. Ростов-н/Дону, 2017. Выпуск № 2. С. 37–41. (0,5 п.л.)
4. *Тауканова З.Ч.* Этнический фактор в гендерных процессах и отношениях: кавказский ракурс // Гуманитарий Юга России. 2017. № 6. С. 317–325. (0,5 п.л.)
5. *Тауканова З.Ч.* Этнический фактор в гендерных процессах: семейно-брачные отношения // Научная мысль Кавказа; Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФЦ. Ростов-н/Дону, 2017. Выпуск № 4. С. 52–55. (0,5 п.л.)

Научные статьи, материалы и тезисы научных конференций:

6. Тауканова З.Ч. Гендерный фактор в социальных отношениях и социальной стратификации // Материалы Международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Перспектива 2014» Нальчик, 2014. Том I. С. 256–259. (0,4 п.л.)

7. Тауканова З.Ч. Гендерные мифы в культуре этноса // Материалы Международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Перспектива 2015». Нальчик, 2015. Том I. С. 258–261. (0,4 п.л.)